в частности, а также с предшествующим периодом развития русской литературы. Кажущаяся внезапность появления искусственной поэзии — источник концепции о зарождении силлабического стиха в прозе, разделяемой некоторыми современными авторами. По этому поводу часто цитируют одно из высказываний В. Н. Перетца (отмечу кстати, что новейшие работы по истории русской книжной поэзии так или иначе продолжают разработку положений этого замечательного ученого): «Общей основой... ритмической речи, снабженной рифмою, могло служить синтаксическое расположение предложений, в которых сказуемые, или же вообще наиболее значащие с точки зрения автора слова — выдвигались вперед или ставились в конце предложения. Естественное замедление перед новым предложением — мыслью породило уже вполне последовательно известного рода ритмичность, которую мы наблюдаем и в несомненно прозаических памятниках старинной славянорусской литературы. Рифма — первоначально глагольная или прилагательная, кажется нам результатом такого расположения предложений и явилась, думается, независимо от намерения автора, как и в народном эпическом стихе, обыкновенно безрифменном».[38]

Действительно, примеры таких рифм в русской прозе конца XVI — начала XVII в. необыкновенно обильны.[39] Интересно, что в таких памятниках, как Сказание Авраамия Палицына, «Иное сказание», «Новая повесть» и другие, мы встречаем не только суффиксально-флексивные рифмы (результат синтаксического параллелизма), которые, разумеется, количественно преобладают, но и коренные рифмы и рифмоиды (хвраст—возраст, прут—труп, торг—горд, дров—гроб и т. п.). В. М. Жирмунский определил это явление как эмбриональную рифму, одновременно заметив:

вестные подражатели кн. А. Д. Кантемира. — ИпоРЯС, т. I, кн. 2, 1928, стр. 335—357).

В свое время поднимался вопрос о возможном влиянии на Тредиаковского силлабо-тонических стихотворений «русских немцев» И.-В. Пауса, Спарвенфельдта, Ганке и др., сочинявших в этом роде уже в конце XVII в. Эту гипотезу выдвинул П. Н. Берков: «...западное стихосложение (и именно немецкое, бывшее перед глазами у академических переводчиков) оказалось отправной точкой для перехода от силлабики к тонико-силлабике: Тредиаковский, ссылавшийся, как на источник своих опытов, на народную поэзию и на „иллирическую книжку"... безусловно знал и стихотворение Спарвенфельдта, и застольные песни Пауса, и перевод виршей Ганке, — все это было слишком известно, слишком на виду, и именно поэтому Тредиаковский предпочел умолчать об этом материале» [П. Н. Берков. Из истории русской поэзии первой трети XVIII века (К проблеме тонического стиха). — В кн.: XVIII век. Сборник статей и материалов под редакцией академика А. С. Орлова. М.—Л., 1935, стр. 81].

Необходимо, видимо, вернуться и к фольклорным элементам в стихе Тредиаковского, который, как известно, заявлял в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов»: «...я силу взял сего нового стихотворения из самых внутренностей свойства нашему языку приличного; ...поэзия нашего простого народа к сему меня довела» (В. К. Тредиаковский. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1935, стр. 351). Ср.: Г. И. Бомштейн. Тредиаковский — филолог и фольклор. — В кн.: XVIII век. Сборник V. М.—Л., 1962, стр. 249—272. Нужны, однако, не только работы о теоретических воззрениях Тредиаковского на природу и роль фольклора (перечень их см. в статье Г. И. Бомштейна, которая также выполнена в этом плане), но в первую очередь стиховедческие исследования.

[38] В. Н. Перетц. Историко-литературные исследования и материалы, т. III, стр. 14—15. Впрочем, еще в 1891 г. Л. Майков высказал исходный взгляд, ср.: Л. Майков. О начале русских виршей. — ЖМНП, 1891, июнь, стр. 445.

[39] Это отмечалось многими исследователями: Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха, стр. 205—235 (здесь, кроме многочисленных примеров, собранных самим Л. И. Тимофеевым, даны отсылки к литературе вопроса); А. А. Назаревский. 1) Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Киев, 1958; 2) О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев, 1961.